

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Смоленский государственный университет»
Кафедра литературы и журналистики

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки Смоленского государственного университета:
межвузовский сборник научных статей

Выпуск 24

Смоленск
Издательство СмолГУ
2024

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)
Р 89

Публикуется по решению редакционно-издательского совета Смоленского государственного университета

Ответственные редакторы и авторы предисловия О.А. Новикова, М.А. Короткова

Рецензенты

доктор филологических наук А.В. Радионова
кандидат филологических наук Д.В. Бутеев

Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного университета: межвузовский сборник научных статей. Вып. 24 / отв. ред., предисл. О.А. Новикова, М.А. Короткова. Смоленск: СмолГУ, 2024. 1 электрон. опт. диск. Текст: электронный.
Р 89

ISBN 978-5-88018-739-3

В сборнике представлены традиционные разделы, посвященные исследованиям русской литературы – поэзии и прозы XIX–XXI веков, теории текста, литературы Смоленской земли, русско-зарубежным литературным связям.

Сборник включен в каталог изданий, входящих в ведущую систему индексов цитирования (РИНЦ).

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)

Виньетка на титуле выполнена Е.К. Школяренко по мотивам гравюры Сандерса с рисунка С. Тончи на фронтистисе «Анакреонтических песен» Г.Р. Державина (СПб., 1804).

ISBN 978-5-88018-739-3

© Авторы, 2024
© Издательство СмолГУ, 2024

Boris Vasiliev during his last visit to Smolensk in January 1993 was invited to an open meeting of the department of history and theory of literature, at which they discussed not only his work, but also the fate of Russia, the crisis of Russian culture, etc. At the same time, Vasiliev visited the Literary Museum, leaving a note of gratitude in the Guest Book.

Employees of the Department of Literature and Journalism of SmolSU continue to honor the memory of their famous countryman, study the work of Boris Vasiliev, organize scientific forums in his honor, and open temporary and permanent exhibitions at the Literary Museum.

Л.В. Павлова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

И.В. Романова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

**Исходя из эстетики, а не из математики:
роль числительных в повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие»**

Ключевые слова: *Б.Васильев, числительные, образ, композиция, военная проза*

В статье представлены основные результаты целенаправленного исследования функционирования числительных в повести Б.Л. Васильева «А зори здесь тихие». Наименования числительных проходят через весь текст повести, создавая эффект достоверности описываемых событий. Не наделяя числительные символическими значениями, автор активно использует их для создания образов действующих лиц (указание возраста, веса, роста, особенности речи), а главное, для маркирования элементов фабулы: от завязки, основанной на ошибке в представлении о количественном составе диверсионной вражеской группы, до развязки, опровергающей традиционную математическую логику и подсчеты, поскольку в ней показано, что в определенных случаях 6 оказывается больше 16.

Поэтика чисел давно попала в поле зрения филологов, поскольку «с помощью наименований чисел не просто производился счет, но и осуществлялись процессы познания мира, национального самопознания и самовыражения. Объективная и универсальная семантика количества трансформируется в конкретном языковом сознании и приобретает культурно обусловленные оценочные смыслы» [Макурова, 2013, 34].

Упомянутые и, особенно, повторяющиеся в художественных текстах числа нередко служат показателем культурных, сакральных, бытовых представлений народной или книжной традиций. Так, за определенными числами со времен Древней Руси «были закреплены особые – ирреальные, символические – значения. Такие числа (3, 4, 5, 7, 8, 9, 12, 15, 40 и прочие) – прежде всего в рамках древнего и средневекового христианства – воспринимались как сакральные и в качестве таковых выполняли определенные

функции, в частности, в литературных текстах» [Кириллин, 2000, 5-6]. Однако далеко не во всех случаях уместно говорить о числовой символике. Имена числительные и их субституты – цифры, могут выполнять весьма разнообразные функции в произведении, не выходя в область символических значений.

Например, числа могут работать на образном уровне, фигурируя в характеристике действующих лиц – «их внешности, возраста, поведения, положения в обществе, достатка», что «позволяет привлечь внимание читателя к той или иной детали, косвенно охарактеризовать их поведение, характер, обстоятельства их жизни и т.п.» [Жуковская, 2009, 36]. Один из наиболее сложных случаев – вовлечение числительных в построение композиции, маркирование числами ключевых элементов фабулы.

И на образном, и на композиционном уровнях функционируют числительные в повести Б.Л. Васильева «А зори здесь тихие» [Васильев, 1994, 203-298]¹. В основе коллизии здесь – роковая ошибка, стоившая жизни девушкам-зенитчицам. Причина случившегося – неверные подсчеты и, следовательно, расчет предстоящих действий. Шесть человек во главе с опытным старшиной должны были справиться с двумя, как думалось, немецкими диверсантами: «В конце концов одного и прикончить можно, а с немцем один на один Васков схватки не боялся» (223)². Диверсантов оказалось шестнадцать – катастрофическое численное превосходство, помноженное на уровень боевых навыков. «Эх, пулемет бы сейчас с полным диском и толковым вторым номером! Даже бы и не дегтярь – автоматов бы тройку да к ним мужиков посноровистей... Но не было у него ни пулеметов, ни мужиков, а была пятерка смешливых девчат да по пять обойм на винтовку» (242). Именно уровень подготовки вносит существенную поправку в арифметические подсчеты – трое мужиков посноровистей «больше» по отношению к шестнадцати немцам, чем пятеро смешливых девчат. Эта «другая» арифметика начинается в момент смертельной опасности: «Веселей дыши, Бричкина. Это же даже лучше, что шестнадцать их. Поняла? Почему шестнадцать диверсантов лучше, чем два, этого старшина объяснять не стал, но Лиза согласно покивала ему и неуверенно улыбнулась» (242).

Более пристальное наблюдение за функциями числительных в повести «А зори здесь тихие...» позволяет говорить о сложной и разветвленной поэтике чисел на разных структурных уровнях текста. Ранее этот аспект хрестоматийного произведения военной прозы целенаправленно не рассматривался, отдельные наблюдения за добавочными нумерологическими смыслами присутствуют в диссертации В.А. Карнюшина (например, о значении фамилии Четвертак [Карнюшин, 2000, 142]).

¹ Далее в статье все цитаты из повести Б. Васильева приводятся по этому изданию. В круглых скобках указываются номера страниц.

² Тройной повтор «один» и единственное число «немец» – показатель того, что Васков собирался с единичным врагом столкнуться, силы рассчитывал, исходя из этого представления.

Начиная повесть, Борис Васильев сразу погружает читателя в обилие числовых указаний, казалось бы непринципиальных: «На 171-м разъезде уцелело двенадцать дворов, пожарный сарай да приземистый длинный пакгауз, выстроенный в начале века из подогнанных валунов. В последнюю бомбежку рухнула водонапорная башня, и поезда перестали здесь останавливаться, Немцы прекратили налеты, но кружили над разъездом ежедневно, и командование на всякий случай держало там две зенитные счетверенки. Шел май 1942 года. На западе (в сырые ночи оттуда доносило тяжкий гул артиллерии) обе стороны, на два метра врывшись в землю, окончательно завязли в позиционной войне <...>» (205).

Точное наименование числа, количества в художественном тексте призвано придать ему реалистичность и почти документальную достоверность. Большинство числительных в экспозиции повести касаются определения временных и пространственных отношений. Среди них есть топонимически, хронологически и количественно точные – 171-й разъезд, двенадцать дворов, 1942 год. Их усиливает географическая определенность (Мурманская дорога, Ленинград), подкрепленная обобщенными пространственными (запад, восток, север, юг) и временными (начало века, три дня, на четвертый) ориентирами, а также фиксировано точное указание на количество вооружения – две зенитные счетверенки (отметим прозрачную числовую этимологию у этой разновидности оружия с четырьмя стволами) и тактические действия («обе стороны, на два метра врывшись в землю, окончательно завязли в позиционной войне»).

К экспозиционной точности общего повествования добавляется точность характеристики образов персонажей:

- указание роста и веса: (о диверсанта) «Следок этот тянул на добрый сорок четвертый размер, из чего Федот Евграфыч заключил, что оставил его детина под два метра и весом пудов на шесть с гаком» (223); (о Четвертак) «Примерился, схватил красноармейца в охапку (пустяк: пуда три, не боле)» (246–247);

- указание возраста: «<...> в загсе сидели бюрократы и отказались регистрировать, потому что до восемнадцати ей не хватало пяти с половиной месяцев» (211), «Федоту Евграфычу этой весной исполнилось тридцать два <...>» (207), «Не ворочай он в свои четыренадцать за иного женатика – по миру пошла бы семья» (231). «Летом крестьянствовал, зимой зверя бил и о том, что людям выходные положены, узнал к двадцати годам» (232), «Лиза Бричкина все девятнадцать лет прожила в ощущении завтрашнего дня» (250), «В десять лет Галя стала знаменитой, устроив скандал, которого монастырь не знал со дня основания» (270), «<...> так глупо, так несуразно и неправдоподобно было умирать в девятнадцать лет» (292).

Экспозиция, наполненная числительными, подхватывается дальнейшим описанием происходящего, армейская специфика которого требует соответствующего словесного оформления, «писатель употребляет числительные “цитатно”, как бы привнося в художественную речь информацию, заимствованную из других стилей <...>. При таком включении числительных в художественную речь читатель ощущает их иностилевую принадлежность, но

именно это и придает повествованию особую действенность, заставляя поверить в достоверность описываемого» [Гайломазова, 2012, 31–32]:

- «Товарищ старшина, первое и второе отделения третьего взвода пятой роты отдельного зенитно-пулеметного батальона прибыли в ваше распоряжение для охраны объекта, – тусклым голосом отрапортовала старшая» (206).

- «<...> обманывая коменданта тихого 171-го разъезда, младший сержант Маргарита Осянина и знать не знала, что директива имперской службы СД за № C219/702 с грифом “Только для командования” уже подписана и принята к исполнению» (216).

- «“Сосна”!.. “Сосна”!.. – “Сосна” слушает. – Семнадцатый говорит. Давай Третьего. Срочно давай, чепе!.. – Даю, не ори. Чепе у него... В трубке что-то долго сипело, хрюкало, потом далекий голос спросил: – Ты, Васков? Что там у вас? – Так точно, товарищ Третий. Немцы в лесу возле расположения. Обнаружены сегодня в количестве двух...» (218).

- «Чеши с такими лес, лови немцев с автоматами! А у них, между прочим, одни родимые, образца 1891-го дробь 30-го года...» (219).

В приведенных примерах числа выражают прежде всего военные реалии и особенности воинских регламентированных обозначений. Такое повествование является основным и отражает точку зрения Васкова. Принятая в армии манера использования числительных плотно укоренилась в его сознании и вполне успешно, то есть с толком, применяется в различных жизненных ситуациях:

- постановка боевой задачи. «Противник силою до двух вооруженных до зубов фрицев движется в район Вось-озера с целью тайно пробраться на Кировскую железную дорогу и Беломорско-Балтийский канал имени товарища Сталина. Нашему отряду в количестве шести человек поручено держать оборону Синюхиной гряды, где и захватить противника в плен. Сосед слева – Вось-озеро, сосед справа – Легонтово озеро... – Старшина помолчал, откашлялся, расстроено подумал, что приказ, пожалуй, следовало бы сначала написать на бумажке, и продолжал: – Я решил: встретить врага на основной позиции и, не открывая огня, предложить ему сдаться. В случае сопротивления одного убить, а второго все ж таки взять живым» (233–234);

- хронометраж: «На мытье и приборку даю сорок минут» (229), «По этой полосе в случае чего немцам надо было часа три гряде огибать <...>» (232); «Выбрав позицию, Федот Евграфыч, как положено, произвел расчет времени. По расчету этому выходило, что немцев ждать оставалось еще часа четыре, и поэтому разрешил он своей команде сготовить горячее из расчета котелок на двоих» (232);

- ориентация на местности, вычисление расстояния: «Рванутся немцы на замолчавший автомат, проскочат десяток метров, что разделяли их, и – все тогда. Хана» (272), «Диверсанты на прямую вышли, оставляя куст, где Четвертак пряталась, метрах в двадцати левее» (278), «В сотне метров начиналась поляна с прогнившим колодезным срубом и въехавшей в землю

избой. И эту сотню метров Васков прошел беззвучно и невесомо» (295). Чаще, чем общепринятая мера длины, расстояние меряется по-простому, количеством шагов: «В двух шагах здесь человеческий глаз утыкался в живую стену подлеска, и никакие цейсовские бинокли не могли пробиться сквозь нее <...>» (246), «<...> опоздай Федот Евграфыч ровно на семь шагов – кончилась бы на этом вся их служба. В две бы хороших очереди кончилась. Но семь этих шагов были с его стороны, сделаны, и потому все наоборот получилось» (272), «С десятка шагов ударил в тонкую, напряженную в беге спину, и Галя с разлету сунулась лицом в землю <...>» (279), «Рядом ведь, в двух шагах от немцев сидел, наган в кулаке тиская, все слова слышал и ничего не понимал» (284), «С двух шагов могли его снять, потому что шел он грудью на берег и даже упасть нельзя было, укрыться» (282);

- инвентаризация снаряжения и запасов как условие готовности поставленные задачи выполнить, своего рода мера уверенности в себе: «Федот Евграфыч сидор свой вытащил, лямки сбросил, нырнул: в укромном местечке наиважнейший его энзе лежал – фляга со спиртом, семьсот пятьдесят граммов, под пробку» (238);

- даже сложные лирические чувства облекаются в исчислимые, следовательно, контролируемые сравнения: «Товарищ старшина, а вы женаты? Глянул: сквозь рыжее пламя зеленый глаз проглядывает. Неимоверной силы глаз, как стопятидесятидвухмиллиметровая пушка-гаубица» (235).

Васков осознает свою малообразованность, по привычке прибегая и для этого к нехитрым подсчетам «Из дремучего угла ты, Федот Васков, в коменданты выполз. А они, не гляди что рядовые, – наука: упреждение, квадрант, угол сноса. Классов семь, а то и все девять, по разговору видно. От девяти четыре отнять – пять останется. Выходит, он от них на больше отстал, чем сам имеет...» (209).

Если вычитание его расстраивает, то сложение несколько утешает: «Странное дело: до этого он жизнь свою удачливой считал. Ну не то чтоб совсем уж двадцать одно выходило, но жаловаться не стоило. Все-таки он со своими неполными четырьмя классами полковую школу окончил и за десять лет до старшинского звания дослужился» (209).

Особенность старшины изъясняться подмечают и подчиненные Васкова и считают ее свидетельством его неразвитости: «Ну, бродит по разъезду пенек замшелый: в запасе двадцать слов, да и те из уставов» (215).

Описание поступивших в распоряжение Васкова девушек («первое и второе отделения третьего взвода пятой роты Отдельного зенитно-пулеметного батальона») резко контрастирует с уставным точным воинским языком и не поддается учету: «гимнастерки на бойцах по-прежнему бойко торчали в местах, солдатским уставом не предусмотренных, а из-под пилоток нахально лезли кудри всех цветов и фасонов» (206). Главная числовая характеристика – это их юный возраст. В остальных случаях тревожными числами врывается в их жизнь война («Застава держалась семнадцать дней» (211); «Я, когда первого убила, чуть не померла, ей-богу» (212)). Числа воспринимаются ими почти враждебно: «Пример был: двух подружек из

первого отделения старшина за рекой поймал. Четыре часа – с обеда до ужина – мораль читал: устав наизусть цитировал, инструкции, наставления. Довел девчонок до третьих слез: не то что за реку – со двора зареклись выходить» (216).

Впервые именно в женском восприятии появляется личная наполненность чисел: «Один был мужчина – тот, что вел в штыковую поредевшую заставу на втором рассвете войны» (212) (о Рите Осяниной); «Хозяйка, по счастью, куда-то уже смоталась, но постель так и не прибрала: две подушки рядышком, полюбовно...» (219). Фамилия Гали Четвертак производная от четверти. Автор объясняет присвоение ей такой фамилии в детдоме: «Потому что меньше всех ростом вышла, на четверть меньше» (270). Но эта мотивировка распространяется и на ее характеристику как недооформившейся девушки: «Худющая, востроносая, косички из пакли и грудь плоская, как у мальчишки» (214).

Помимо введения числительных в психологическую характеристику действующих лиц, то есть реализации смыслов на образном уровне, подсчетами, числами маркированы все сюжетные ходы:

Таблица 1

**«Арифметика» событий как основа композиции
в повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие»**

Элемент композиции	Минимальный контекст	
Завязка	Старшина и зенитчицы (исходное количество – 6)	Немецкие диверсанты (исходное количество предполагаемое – 2, реальное – 16)
Перипетии ¹	<p>5 (без Лизы Бричкиной). «<...> и он подумал, что правильно сделал, послав именно Лизу Бричкину» (243). «Однако кого он им показать может? Четырех девчонок да себя самолично? Ну, задержатся, ну, разведку вышлют, ну, поизучают их, пока не поймут, что в заслоне этом ровно пятеро. А потом?.. Потом, товарищ старшина Васков, никуда они отходить не станут. Окружат и без выстрела, в пять ножей снимут весь твой отряд. Не дураки же они в самом-то деле, чтоб от четырех девчат да старшины с наганом в леса шарахаться...» (245).</p> <p>4 (без Сони Гурвич). «Потом он выпрямился и бережно расправил на девичьей груди липкую от крови рубашку; две узких дырочки виднелись на ней. Одна в грудь шла, в левую грудь. Вторая – пониже – в сердце» (263).</p>	<p>16. Шестнадцать немцев, озираясь, медленно шли берегом к Синюхиной гряде... (241).</p> <p>14. «Только на того, первого, оглянулся: здоров был немец, как бык здоров. Еще дергался, еще хрипел, еще кровь толчками била из него. А второй уже не шевелился: скорчился перед смертью да так и застыл. Дело было сделано. – Ну вот, Женя, – тихо сказал Васков. – На двоих, значит, меньше их стало...» (266).</p>
Ретардация	«Три, ну, пусть пять даже часов оставалось драться вчетвером против четырнадцати, а это выдержать можно было» (268)	

¹ Потеря с нашей стороны – поворот к плохому, потеря с вражеской – поворот к хорошему.

Перипетии	4	<p>13 (предположительно). «В месте взрыва гранаты крови много: значит, кого-то мы прищучили. Значит, тринадцать их, так надо считать» (274).</p> <p>12. «Пристрелили, – определил старшина. – Свои же, в затылок. Раненого добивали: такой, значит, закон... <...> Учтем. И спокойно еще двух вычел: двенадцать осталось. Дюжина» (276). «Двоих мы там прищучили, Галя! Двоих – стало быть, двенадцать осталось. А это нам не страшно, товарищ боец. Это нам, считай, пустяки!..» (277).</p>
	3 (Без Гали Четвертак). «Две остались у него девчонки, зато самые толковые. Втроем они еще силой были, только силе той бить было нечем» (282)	<p>10 (предположительно). «И по счету этому выходило, что немцев бегало за ним никак не более десяти: то ли кто-то с вещами оставался, то ли он еще кого-то прищучить успел. Но все-таки рассчитывать следовало пока на дюжину, потому что накануне целиться было некогда» (282)</p> <p>12 «<...> из лесу к Легонтову скиту один за другим вышли все двенадцать. Одиннадцать поклажу несли (взрывчатка, определил старшина), а двенадцатый сильно хромал, налегая на палку» (284).</p>
	1 (предположительно). «Понял вдруг, что один остался, совсем один, с пробитой рукой, и такая тоска тут на него навалилась, так все в голове спуталось, что к месту этому добрел уже совсем не в себе» (286).	<p>11. «Греснул выстрел, и немца с силой швырнуло вперед. Старшина для верности еще раз выстрелил в него, хотел было вскочить, да чудом уловил вороненый блеск ствола в щели перекошенной двери и замер. Второй – тот, раненый – прикрывал своего <...>» (285).</p>
	3. «Кинулся к ним: тут, в воде, и обнялись. Повисли на нем обе сразу, целуют – грязного, потного, небритого... – Ну что вы, девчата, что вы!.. И сам чуть слезы сдержал. Совсем уж с ресниц свисали: ослаб, видно. Обнял девчат своих за плечи, да так они втроем и пошли на ту сторону» (286); «Погибли наши товарищи смертью храбрых. Четвертак – в перестрелке, а Лиза Бричкина в болоте утопла. Выходит, что с Соней вместе троих мы уже потеряли» (286).	
	В подсчеты подключается не только простое вычитание или сложение.	<p>«Выходило, что проиграл он вчера всю свою войну, хоть и выбил верных двадцать пять процентов противника. Проиграл потому, что не смог сдержать немцев, что потерял ровнехонько половину личного состава, что растратил весь боевой запас и остался с одним наганом. Скверно выходило, как ни крути, как ни оправдывайся» (282).</p>

Перипетии	2 (без Жени Комельковой) «<...> когда первая пуля ударила в бок, она просто удивилась. Ведь так глупо, так несурзано и неправдоподобно было умирать в девятнадцать лет» (292).	10, 9, 8? «Та четверка, что перла прямо на него, тут же и отошла, да так ловко, что он и заметить не успел, подшиб ли кого?» (289).
	1 (без Риты Осяниной). «Два патрона, правда, осталось, но все-таки спокойнее с ним. – <...> Я разведку произведу и вернусь. К ночи до своих доберемся. – <...> Он скорее почувствовал, чем расслышал, этот слабый, утонувший в ветвях выстрел. Замер, вслушиваясь в лесную тишину, а потом, еще боясь поверить, побежал назад, к огромной вывороченной ели. Рита выстрелила в висок, и крови почти не было» (294)	10, 9, 8... «В руке намертво был зажат наган с последним патроном, и он хотел сейчас только, чтоб немцы скорее повстречались и чтоб он успел свалить еще одного» (294).
Реальная точность сменяется призрачными подсчетами	6. «А ему чудились в этом белесом мареве его девчата, все пятеро, и он все время шептал что-то и горестно качал головой» (294)	0. «А немцев все не было. Не попадались они ему, не стреляли, хотя шел он грозно и открыто и искал этой встречи. Пора было кончать эту войну, пора было ставить точку, и последняя эта точка хранилась в сизом канале его нагана» (294).
Кульминация	1. « <...> подумать не могли, в мыслях представить даже, что один он, на много верст один-одинешенек» (296).	6, 5. «Он все вложил в этот удар, все, до последней капли. Немец почти не вскрикнул, только странно, тягуче вздохнул и сунулся на колени. Старшина рванул скособоченную дверь, прыжком влетел в избу: – Хенде хох!.. А они спали. Отсыпались перед последним броском к железке. Только один не спал, в угол метнулся, к оружию, но Васков уловил этот прыжок и почти в упор всадил в немца пулю» (295).
		4. «<...> на пол легли. Мордами вниз, как велел. Все четверо легли: пятый, прыткий самый, уж на том свете числился» (296).
Развязка	6. «Что, взяли?.. Взяли, да?.. Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро!..» (296).	0. «А не прошли вы, никуда не прошли и сдохнете здесь, все сдохнете!..» (296).

Таким образом, Васильев с первых страниц наполняет текст числами, что вполне соответствует военным реалиям. Числа четко работают в мужском армейском мире и обретают дополнительные, личные значения с появлением девушек.

Автор погружает читателя в арифметику войны. Но с каждым поворотом сюжета эта арифметика становится «неправильной», отношения и свойства чисел искажаются.

В самом начале Васков рассчитывает, что шесть красноармейцев (он и пятеро девушек) против двоих немцев – это хороший расклад, потому что 5 больше 2. Хотя отступления от математической логики присутствуют уже в этом первоначальном расчете: по размышлениям Васкова, 3 больше 5 (если бы вместо пяти девушек пошли бы с ним на задание три дельных мужика). И совсем не арифметически звучит загадочное утверждение старшины, ободряющего Лизу Бричкину, что 16 лучше 2.

Шестнадцать диверсантов – против шестерых наших, из которых пятеро девушек, которые гибнут одна за одной. Смерть пятерых девушек-зенитчиц для

Васильева стремится к бесконечности, потому что становится неисчислимой гибелью всего рода: «А главное, что могла нарожать Соня (*Рита, Галя, Лиза, Женя*. – Л.П., И.Р.) детишек, а те бы – внуков и правнуков, а теперь не будет этой ниточки. Маленькой ниточки в бесконечной пряже человечества, перерезанной ножом...» (268-269).

Вместе с тем обреченное соотношение 6 к 16 обернулось победой меньшинства. Последние четверо немцев сдались в плен единственному выжившему Васкову. «Нет, не крика они испугались, не гранаты, которой размахивал старшина. Просто подумать не могли, в мыслях представить даже, что один он, на много верст один-одинешенек. <...> Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро!.. А не прошли вы, никуда не прошли и сдохнете здесь, все сдохнете!..» (296).

В законы математики вмещались законы духа. Так в арифметике войны по Борису Васильеву 6 оказалось больше 16.

Литература

1. Васильев Б.Л. Собрание сочинений: в 8 томах. Т. 1. Смоленск: Траст-Имаком, Русич, 1994. 544 с.
2. Гайломазова Е.С. Квантификация объектов и фактов: когнитивно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристик: автореф. дис. ... доктор филол. наук. Волгоград, 2012. 40 с.
3. Жуковская Н.В. Функционирование числительных в художественном тексте // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2009. № 2. С. 36–39.
4. Карнюшин В.А. Проза Бориса Васильева о фронтовиках после войны (70–80-е гг.): дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2000. 175 с.
5. Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). СПб.: Алетейя, 2000. 314 с.
6. Макерова С.Р. Имя числительное и квантификация в художественном тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 4. С. 33–39.

L.V. Pavlova, I.V. Romanova
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Based on Aesthetics, not Mathematics: the Role of Numerals in Boris Vasiliev's Novella "And the Dawns are Quiet here"

Keywords: *B. Vasiliev, numerals, image, composition, military prose.*

The article presents the main results of a purposeful study of the functioning of numerals in the story by B.L. Vasiliev "And the Dawns are Quiet Here". The names of the numerals run through the entire text of the story, creating the effect of authenticity of the events described. Without assigning symbolic meanings to numerals, the author actively uses them to create images of actors (indicating age, weight, height, speech characteristics), and most importantly, to mark the elements of the plot: from the beginning, based on an error in the idea of the quantitative composition of the sabotage enemy group, to the denouement, refuting traditional mathematical logic and calculations, because it shows that in certain cases 6 turns out to be more than 16.